

ЛЮБОВЬ
ТАЙНА
ИНТРИГА

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ
ИРИНЫ МЕЛЬНИКОВОЙ —
ПРЕКРАСНЫЕ ИСТОРИИ О ВЕРЕ,
НАДЕЖДЕ И ЛЮБВИ

Любовно-исторические:

Антик с гвоздикой
Грех во спасение
Александра – наказание Господне
Невеста по наследству
Фамильный оберег. Закат цвета фламинго
Фамильный оберег. Отражение звезды
Фамильный оберег. Камень любви

**В соавторстве
с Георгием Ланским:**

Ключи Пандоры
Лик Сатаны
Ярость валькирии

**Сериал
«Агент сысшной полиции»:**

Агент сысшной полиции
Талисман Белой Волчицы
Финита ля комедия
Сибирская амазонка
Бесы Черного Городища

Любовно-криминальные:

Дрянь такая!
Ржавый Рыцарь и Пистолетов
Дикая Лиза
Нянька для олигарха
Мой ласковый и нежный мент
Колечко с бирюзой
Неоконченный романс
Роман с Джульеттой
Горячий ключ
Формула одиночества
Стихийное бедствие
От ненависти до любви
Небо на двоих

ИРИНА МЕЛЬНИКОВА
ГЕОРГИЙ ЛАНСКОЙ

ЛИК САТАНЫ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М48

Оформление серии *С. Курбатова*

Мельникова, Ирина Александровна.
М48 Лик Сатаны : [роман] / Ирина Мельникова, Георгий Ланской. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Любовь, интрига, тайна. Романы И. Мельниковой и В. Вербиной).

ISBN 978-5-699-97144-2

В ее жизни ничего не осталось, лишь усталая обреченность и пустота. Саша была оскорблена и унижена, а гордость ее растоптана. Что ей дала эта борьба за правду и справедливость, кроме стыда и мук совести? Эта история обнажила столько скелетов в шкафу!.. Получается, Сашин дед был далеко не праведником. И зачем только она затеяла расследование его гибели, втянув в него журналистов Никиту Шмелева и Юлию Быстрову и подставив их всех под пули? Когда на свет вышло темное прошлое ее деда, стали выясняться чудовищные подробности... Что же теперь делать — остановиться на полпути? Нет, Саша все же должна узнать, за что его убили. Похоже, и ее бабушка погибла под колесами лихача вовсе не случайно... А все началось, когда бабушке, работавшей в музее, принесли на экспертизу икону и она сразу заметила: лик святого был переписан...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97144-2

© Мельникова И., Ланской Г., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

1938 год. Карпаты

Раннее утро занималось над горами, скрытыми синей дымкой. После ночного дождя огромные камни в серых пятнах лишайников были скользкими и холодными, но среди них виднелась едва заметная тропинка, пробитая среди мхов и зарослей жерепа¹.

Темные стволы смерек — огромных елей — проступали сквозь туман — звуки шагов плавались в нем и пропадали. Сыро и зябко было вокруг, но отец Павел не замечал этого. Нужно было до восхода солнца дойти до вершины и вернуться в храм к утренней службе. Из-за дождей он три дня не поднимался в часовню и беспокоился, что ее залило водой. Старенькая ряса намокла и облепляла ноги, замедляла ход. Иногда он останавливался, опирался на посох и осматривался окрест. С еловых лап свисали седые лохмы мха-бородача, листья, траву покрывала роса, туман клубился среди деревьев, цеплялся за ветви и кусты. Дышалось тяжело, воздуха не хватало, чем ближе к вершине, тем чаще останавливался отец Павел и тем дольше переводил дыхание.

С Пасхи, когда сошли густые снега, завалившие дороги в долину, его не покидала тревога — неясная и оттого

¹ Карпатская сосна.

более болезненная, которая отнимала силы. Прихожане приносили вести снизу. И вести эти — противоречивые, смутные и поэтому страшные, вероятно, и породили тревогу.

Люди шептались о хлопаках, что напали на польские имения, поджигали их и расправлялись с владельцами, убивали поветовых чиновников и местечковых старост, пограничников и полицейских. Это они расправились с польской учительницей на глазах учеников, а после сожгли школу, подперев двери бревном, а тех детишек, что пытались выбраться из окон, забивали бартками¹ и хохотали... Хохотали!..

Отец Павел перекрестился и перевел дыхание. До вершины оставалось совсем ничего, а силы почти оставили его. Он скользил по мокрой глине, хватался за ветки и с трудом преодолел последние метры тропы. Ели расступились, открыв взгляду нагромождение камней, затянутых можжевельником. Часовенка с этого места была не видна, но через десяток шагов покажутся из-за скальных обломков сначала крест, затем луковка, а потом и она сама, установленная на перевале рядом с разрушенной польской каплицей² и каменным крестом.

С каждым годом ему становилось все тяжелее подниматься к часовне, и он знал, что когда-нибудь не сможет этого сделать. Все чаще давала знать о себе раненая нога, и легкие, тронутые немецким хлором, плохо справлялись с разреженным воздухом высокогорья.

Задыхаясь и шепча молитвы, отец Павел наконец миновал камни и опустился возле входа в часовню на чурку, которую неизвестно кто принес на вершину. В ясную погоду отсюда открывался вид на широкие полонины,

¹ Гуцульские топоры.

² Часовня (*польск.*).

на гуцульские села и хутора, на круглые колыбы пастухов и бесконечные покотины, которые разделяли выгоны для скота.

Но сейчас, в последние минуты перед восходом солнца, полонины и горы пониже тонули в тумане. Мрачные горги¹, суровые скалы, колючий чагарник² и цепкий яловец³, свинцовые тучи над головой только усиливали тревогу. Ледяной ветер, который то и дело менял направление, пронизывал ветхую рясу насквозь. От его порывов не спасали ни стена часовни, ни нагромождения камней. Ветер свистел между ними, заливался на все лады — чувствовал себя безраздельным хозяином угрюмой каменной пустыни.

Отец Павел изрядно замерз, но сил не было даже подняться, чтобы войти в часовню. Где-то далеко прокричал черный ворон крук, возвестил зарю, но звуки тотчас утонули в тумане.

Священник оперся на посох, с трудом, но встал на ноги. Накануне ему исполнилось сорок пять лет, но он ощущал себя глубоким стариком. Все это — следствие войны: и поврежденная в бою нога, и отравленные легкие, и грубый шрам на спине. Вспоминать о нем не хотелось вовсе. Осенив себя крестом, он вошел в часовню. Остановился перед иконой Божией Матери Всех Скорбящих Радость и, шепча молитву: *«О, Пресвятая и Премилостивая Владычице Богородице! Припадая ко святей иконе Твоей, смиренно молимся Тебе...»*, убрал огарки свечей, зажег новые.

Тусклое пламя трепетало от сквозняка, проникавшего в щели между камнями. Двадцать лет назад отец Павел

¹ Камни.

² Хвойный стланик.

³ Можжевельник.

сложил эту часовню в память павших на перевале русских солдат — его боевых товарищей.

Первая мировая война. Тяжелая зима 1915 года... Русские войска вынуждены были оставить Галицию под ударами немцев и австро-венгров. Не было снарядов к орудиям, не хватало патронов. Лошади пали, одни — от вражеских пуль, другие — от бескормицы, и артиллеристы тащили горные пушки на себе. Изю дня в день шли кровавые бои, изю дня в день — изнуряющие многомильные переходы, бесконечная усталость, голод, короткий тревожный сон на камнях. То страшные бури — шарги, которые сбивали с ног живых и засыпали снегом мертвых русских солдат, то сутки напролет дожди со снегом... То редкая надежда, то беспросветная тоска...

Тяжелые встречные бои на горных перевалах затянулись на два месяца. Но русская армия под командованием генерала Брусилова подтянула резервы и провела успешное наступление на Восточном фронте. Австрийские войска понесли тяжелые потери и оставили значительную часть Галиции, Волыни и Буковины.

... Чужой уют... Увы, не в первый раз
Влезает мы в покинутые гнезда...
Кто у окна, не осушая глаз,
В последний час сквозь сад смотрел на звезды?
Кто вырос здесь, в узорном городке,
Под сенью лип и старого костела?..
Фонарь дрожит в протянутой руке,
Нырнула мышшь у шкафа в щелку пола...

Отец Павел не знал, кому принадлежали эти стихи. Но их читал Вадим, там, в Черновицах, за неделю до того, как русские войска покинули этот город, и за месяц до

взятия Перемышля. И всякий раз, всплывая в памяти, они причиняли тягучую боль, терзали душу, как поврежденная в давнем бою нога.

...Штабс-капитан, разрыв до дна чулан,
Вернулся с книжкой и смеется: «Чехов!»
Спирт — на столе. Кряхтит старик-диван.
Закуска? Хлеб и горсти две орехов...
А завтра вновь отхлынем мы назад,
И может быть, от этого уюта
Останется обугленный фасад, —
И даже мышь не сыщет здесь приюта...¹

Буковина и ее жемчужина — Черновицы... Город, который называли «маленькой Веной». Город художников и поэтов, романтиков и музыкантов. Воскресный день здесь начинался с «Музыки ангелов» Моцарта, а заканчивался дуэлью. Город, где тротуары подметали букетами роз, а книжных магазинов было больше, чем кофеен. Город, в котором собак называли именами олимпийских богов, а ветер разносил по улицам листы бумаги со стихами знаменитых поэтов...

Стояла ясная, по-весеннему теплая погода. Зеленела трава на лужайках. Цветочницы улыбались и кокетничали, продавая желтые нарциссы и букетики белых цветов — нежных, как фата невесты...

До сих пор звучал в его ушах цокот копыт по брусчатке, а перед глазами возникали мирные картины из прошлого. Черновицы словно не знали войны — дорогие экипажи, красивые женщины в роскошных нарядах, изысканные кавалеры, франтоватые русские офицеры, вальсы Штрауса и Шуберта на театральных подмостках и на балах местной знати, запахи свежих пирожных и только что сваренного кофе из маленьких кофеен...

¹ Стихи Саши Черного.

Павел Гордеев успел до той поры повоевать почти полгода нижним чином, получил легкое ранение в руку, глотнул немецкого хлора под Барановичами, но сбежал из госпиталя снова на фронт. Но до своего полка, который перебросили под Ригу, так и не добрался. В конце января пятнадцатого года неожиданно встретил на вокзале в Белостоке Вадима Лясковского, который учился вместе с ним на механическом факультете в Санкт-Петербургском политехническом институте, но двумя курсами старше. В августе четырнадцатого оба ушли на фронт добровольцами. Они были ровесниками, но общались мало, а тут бросились друг к другу, как давние товарищи, обнялись и троекратно расцеловались. Причем Вадим окликнул его первым, и Павел не сразу признал старого знакомого в щеголеватом капитане с рукой на перевязи.

Это Вадим уговорил его идти служить в штурмовой взвод, который он формировал из крепких солдат-гранадеров, успевших понюхать пороху, ходивших в атаки и умевших постоять за себя в рукопашных схватках.

— Слышал, ты гимнастикой занимался, — сказал Вадим и сжал его плечо здоровой рукой. — Мне такие люди вот как нужны! — и чиркнул себя ладонью по горлу.

Павел немедленно согласился и вскоре уже находился на передовой в каске, вооруженный трехлинейкой и бейбутом — кривым артиллерийским кинжалом. Вместе с командиром и четырьмя унтер-офицерами их было пятьдесят человек — сильных и выносливых парней. Каждому полагалось по восемь гранат, десять обойм патронов и стальной щит для защиты от пуль — один на два гранадера. Павла, как без пяти минут механика, приставили к бомбомету. И он со своим расчетом усердно направлял снаряды на вражеские позиции, разрушал полевые укрепления и убивал массу людей вокруг.

Но в сентябре он был ранен в схватке с сичевыми стрельцами, нападшими на штурмовой взвод под утро. Ночь выдалась необыкновенно холодной. Иней лежал на траве и камнях. Огромные звезды бесстрастно глазели на людей в истрепанных шинелях. Солдаты, прижавшись друг к другу, забылись в тяжелом сне. Костров не разжигали, чтобы не выдать врагу свое присутствие. Взвод получил приказ удерживать перевал во что бы то ни стало, пока не подтянутся свежие силы, чтобы выбить австрийцев с занимаемых ими позиций.

Несколько суток без горячей пищи, в мокром обмундировании могли сломить кого угодно, но ни вздоха отчаяния, ни бранного слова, ни одного негодующего взгляда. Все, от командира до рядового, понимали: есть приказ, и он не обсуждается, а отступление в тот момент, когда подкрепление на подходе, равнозначно смерти. Бегущий солдат уже не противник, а его спина — лучшая в мире мишень.

Павел Гордеев находился в дозоре. И под утро замерз так, что с трудом удерживал в руках свою трехлинейку. Он обнял ее, как обнимают девушку — обеими руками, прижал к груди, пытаясь согреть дыханием заочевенные пальцы. Легкий стук, а затем шуршание — так осыпаются мелкие камни — заставили его резко вскинуть голову и насторожиться. Боковым зрением он заметил неясную тень, скользнувшую между камней, — одну, затем — вторую... Вскочил на ноги, но колени, которые занемели от долгого сидения в укрытии, подогнулись, и он с грохотом упал на камни, не успев нажать на спусковой крючок винтовки. И тут же кто-то налетел сзади, навалился и ударил ножом в спину. В последний момент Павел извернулся, сбросил противника, оттолкнул его прикладом, ударил в грудь штыком...

А вокруг уже кипела схватка. Бойцы штурмового взвода отбивались кинжалами и прикладами, штыками и саперными лопатками. Вуйки же¹ орудовали топорами и тяжелыми резаками.

Схватка среди камней длилась недолго. Розовая полоска зари показалась над горами уже после того, как смолкли внизу вопли побежденных вуйков, а русские принялись считать убитых и перевязывать раны.

Павел, шатаясь от слабости, не сел, а почти упал возле огромного камня. Голова кружилась, все вокруг затянуло дымкой, в ушах звенело. Каждое движение причиняло боль, а по спине стекал горячий ручеек, который уже насквозь пропитал гимнастерку. Но если нож галичанина вскользь прошел по спине Павла, разорвав кожу и мышцы, то топором кто-то из стрельцов не промахнулся, крепко ударил по ноге, разрубив ее до кости...

Отец Павел что-то пробормотал себе под нос, перекрестился на образ Богоматери и, пытаясь изгнать страшные воспоминания, дочитал молитву несколько громче, чем обычно:

— ...да славим во веки великолепое Имя Сына Твоего и Бога нашего, со Безначальным Его Отцем и Святым, и Благим, и Животворящим Его Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь...

Ветер над горами усилился и почти валил с ног, бил наотмашь в лицо, но розовая полоска на востоке становилась все шире. Туман завис над долинами — густой, точно вата. Он клубился, как живой, то отступал, то накатывался волнами на полонины. Одинокий бук, который забрался выше всех по скалистой гряде, выглядел как маяк среди белесых волн. Казалось, что из-за ближней горы

¹ В у й к и — дядьки — национальная кличка галичан — ныне жителей Западной Украины.

вот-вот выплывет одинокий парусник... Темнели пятна лесов, отливали серебряной чернью. Но утренний свет проник в душу, и даже тревога ушла, уступив место ощущениям свежести и божественной силы, что удерживала весь этот мир от распада...

* * *

Восход уже играл красками на хребте, когда отец Павел с трудом добрался до горной речки — последнего препятствия на пути к храму. С одного обрывистого берега на другой было переброшено бревно, стесанное попереху, чтобы не поскользнуться при переправе. Когда-то здесь имелся подвесной мост на цепях, но его разбило вешними водами лет десять назад. И теперь прихожане пользовались бревном, а цепи прикрепили с одного конца бревна так, чтобы отец Павел без труда в одиночку поднимал его на ночь от беды подальше — буйной воды или чужаков. В последнее время их много бродило в горах — мрачных, в обтрепанной одежде, с австрийскими винтовками и немецкими тесаками в руках. А вот прихожан заметно поубавилось. Что поделаешь, лето весь год кормит.

Но была еще одна причина, по которой прихожане стали реже посещать храм. В последние годы участились дерзкие нападения хлопаков — украинских националистов — на польские имения, полицейские посты и на поезда.

В ответ поляки усилили репрессии. Военная колонизация края, десятки тысяч польских осадников¹, заселивших самые плодородные земли, вызывали страх у гуцулов, которых постепенно вытесняли из долин в горы.

¹ О с а д н и к и — солдаты и офицеры польской армии бесплатно получали в Галиции земельные наделы до 45 га.

В конце тридцатых поляки провели «ревиндикацию»¹, уничтожили более двухсот православных церквей и почти столько же передали униатам. Теперь в Карпатах осталась едва ли полусотня православных храмов, отчего отец Павел и тревожился, ведь со дня на день польские жолнеры могли явиться и в его приход.

Ночами он спал беспокойно, а бывало, не засыпал вовсе, молился в храме перед образом архангела Михаила. Видел третьи сны Янык, прибившийся к церкви немой бродяжка, а отец Павел, стоя на коленях перед алтарем, клал земные поклоны, осенял себя крестом и шептал:

— *О Господи Боже Великий, Царю Безначальный, пошли, Господи, архангела Твоего Михаила на помощь рабу Твоему Павлу изъяти мя от враг моих видимых и невидимых!..*

Лес глушил все звуки окрест, только река громко плескалась за стенами храма. Лишь иногда разрывали тишину уханье филина, треск сучьев под копытами кабаньего семейства или испуганный вскрик дикой козы. Ночной мрак царил вокруг, а небо пылало мириадами звезд. Но чуткое ухо улавливало тот необычный плеск, с которым люди перебредали реку. Они обходили храм стороной и явно таились, но выдавали себя стуком камней, шуршанием кустов и, аки дикая рать, исчезали в ночной темноте. Жутко становилось отцу Павлу, оттого и молился он дольше и истовее:

— *...О Господень угодный Михаиле архангеле! Будь ми помощь во всем: в обидах, в скорбях, в печалех, в пустынях, на распутьях, на реках и на морях тихое пристанище...*

Утром, изнуренный ночным бдением и беспрестанными молитвами, он с просветленным лицом выходил

¹ Принудительное обращение в католическую веру.

из храма и долго смотрел в небо, радуясь божьему дню, а в сердце вновь воцарялись благодать и тишина...

В такие минуты он вспоминал, как подобрали его на поле боя два гуцула-пастуха — седой старик и его юный сын, в белых холщовых штанах и овчинных каптарях поверх рубах. Мягко ступая постолонами по камням, они спустили его на руках к храму. Отец Онуфрий вышел навстречу, что-то сказал тихо, и гуцулы занесли раненого в низкую бревенчатую хижину. Сняв барашковые шапки, пастухи перекрестились на образа и, поклонившись батюшке, вышли из хижины.

Рана на ноге воспалилась, Павел метался в бреду, но всякий раз, когда ненадолго возвращалось сознание, видел над собой бородатое лицо священника. Травяной отвар охлаждал раскаленное горло, целебные мази снимали боль в ноге, и на короткое время Павел спокойно засыпал, но жар и боль возвращались снова и снова.

От осенних дождей набухли реки, а потом в Карпаты пришла зима с обильными снегопадами и сильными метелями. К тому времени Павел уже вставал и передвигался по хижине, опираясь на самодельную трость, а вскоре стал помогать отцу Онуфрию во время богослужений, что не составляло ему особого труда. Отец его был сельским священником в Рязанской губернии, и Павел с детства знал, что пойдет по стопам батюшки, окончит духовную семинарию, женится, получит сельский приход. Но, повзрослев, уже не чаял, как вырваться из тесного деревенского мирка. Отец же настаивал на духовной карьере сына. Павел поступил-таки в семинарию, но ушел со второго курса и, несмотря на протесты семьи, продолжил учебу в Политехническом институте. С той поры он ни разу не бывал дома. Изредка писал матушке, что жив-здоров, а с фронта и вовсе отправил лишь два

письма. Думал, что вернется, и все встанет на свои места. Только судьба распорядилась по-своему...

В одно из первых посещений храма настоятель поведал Павлу его историю. Храм архангела Михаила был возведен когда-то на месте древнего православного монастыря. В конце семнадцатого века татары напали на Угорию. Венгры крепко потрепали басурман, и те бежали в Крым через Карпаты. Тогда-то и набрели на монастырь в горах. Монахов перебили, монастырь разграбили и сожгли. Спасся только послушник Алексей, который успел спрятаться на крыше монастырского храма. Татары его заметили и уже начали карабкаться на стены. Алексей упал на колени, воздел руки к небу и принялся читать молитву в ожидании лютой смерти. Но в то мгновение, когда один из нечестивцев взобрался на колокольню, ужасный грохот раздался с небес, потоки воды хлынули сверху, сметая татар, а среди пенных струй явился отроку сам архангел Михаил в виде грозного воина с огненным мечом.

Татары, побросав оружие и награбленное добро, в панике бежали из монастыря. Алексей, пораженный чудом, спустился во двор, узрел окровавленные трупы монашеской братии и вновь упал на колени.

— Архангеле, — зывал он к нему, — моли Господа упокоить души моих братьев, а меня сподоби изобразить твой дивный лик...

И принялся кровью убиенных писать образ небесного заступника на простой сосновой доске. Его руки словно сами собой создали образ грозный, но исполненный божественной благодати. Тогда Алексей в слезах припал к иконе, и лик на мгновение словно ожил, а глаза архистратига полыхнули небесным огнем...

В памяти отца Павла до сих пор жил голос Онуфрия — тихий, мягкий, но проникавший в душу, наполнявший ее тревогой и грустью.

Настоятель был стар и немощен, с трудом передвигался, но когда речь заходила об иконе, в честь которой был возведен храм, дивным образом преображался. Глаза его блестели, согбенная спина распрямлялась, а изрытое глубокими морщинами лицо озарялось чарующим светом. Икона была чудотворной и особо чтимой в Карпатах. В былые времена восьмого ноября¹ сотни паломников с окрестных хуторов и сел собирались на крестный ход, но в прошлом году их было не больше двух десятков. И не оттого, что угасала православная вера в Карпатах. Просто люди боялись привлечь внимание польских властей к храму.

По легенде, что ходила среди местных жителей, Алексей подарил икону Довбушу — легендарному атаману гуцульских опришков, народных мстителей, за то, что чтил Олекса святую веру отцов, защищал православный люд от произвола властей и местной шляхты. Говорят, архангел Михаил долго хранил атамана: не брали того ни пуля, ни кинжал, ни яд, который не раз подсыпали атаману в вино. И храм этот был возведен опришками Довбуша на месте сожженного татарами монастырского храма в честь чудесного спасения. Будто напали на тайный схрон повстанцев наемники-смоляки пана Родзянского, окружили пещеру, зарядили пушки. Но сошла с гор лавина и, не затронув схрон, погребла солдат под толстым слоем снега. Сам Олекса, мол, выбирал после чудесного спасения огромные сосны для постройки храма, подставляя плечо под огромные лесины...

А еще, рассказывал отец Онуфрий, что в тот час, когда атамана сразила пуля предателя, на глазах архангела выступили слезы. Три дня плакала икона, и с той поры благодать творила чудеса с теми, кто припадал к светлому

¹ 21 (8 ноября) — собор архистратига Михаила и прочих небесных сил.

лику с пламенной верой во Всевышнего и в его благие помыслы.

Мертвого Олексу паны долго возили по селам, чтоб убедить народ в его смерти, после выставили в Коломыйской ратуше. По приказу гетмана Потоцкого тело Довбуша разрубили на двенадцать частей и развесили на сваях в одиннадцати селах и городах Покутья, чтобы люди боялись.

Отец Онуфрий отошел в мир иной за два дня до Троицы в теплый летний день. Уже неделю он не поднимался с постели: отказали ноги. За несколько минут до смерти настоятель поманил к себе Павла и не сказал, а едва слышно прошелестел:

— Ухожу со спокойным сердцем! Знаю, что оставляю храм на тебя, знаю, что крепко несешь нашу веру, что любишь Господа как самого себя. Коли готово твое сердце, принимай служение, Павел!

— Давно готово, отче! — сказал он и склонил голову.

— Благословляю, сынок! Служи Господу нашему и образ архистратига береги как зеницу ока. Доброму прихожанину он силу дает и благодать сущую. Кровью людскую лик архистратига писан, и потому не допускай к нему человека злонамеренного — ворога или убийцу...

Рука отца Онуфрия птичьим крылом взметнулась вверх, осеняя Павла крестным знамением, и упала на грудь. И с той поры он почти двадцать лет нес сей крест служения Господу в маленьком деревянном храме в самом сердце Карпатских гор.

Опираясь на посох и прихрамывая, отец Павел перебрался по бревну на противоположный берег. Солнечные лучи позолотили крест на колокольне, когда он поднялся по ступеням храма. Петухи продолжали перекликаться на хуторах, возвещая новый день. Скоро начнется тяжелая работа, жизнь в горах не терпит лени...

Они спешно отступили, ушли в глубь леса, затаились. Со стороны погранпоста некоторое время раздавались пулеметные очереди и ружейные залпы, и всю ночь с польской и советской сторон взлетали осветительные ракеты. Сотник Андрий по прозвищу Крук довольно улыбался. Провокация удалась на славу. Надо было лишь подбросить на колючую проволоку переодетый в красноармейскую форму труп убитого накануне повестового старосты — мерзкого «хруня»¹, который выдал польским уланам схрон Ярыка Возняка, давнего соратника Андрия.

Комиссары невероятно возбуждились, полезли снимать труп, и уж тут хлопцы Крука порезвились от души. Скосили очередью из «максима» несколько краснопузых, а лейтенанта в новенькой форме снял брат Степка, восьми лет от роду. Угодил из «манлихера» точно в красную звезду на черном околыше.

После этого краснопузые подтащили два пулемета, укрылись за камнями и открыли ожесточенную стрельбу. Сотник махнул рукой: «Отходим, братья!» Оказалось, троих из отряда потеряли убитыми, шестеро были ранены, двое из них тяжело — в голову и в живот.

Андрий подошел к ним. Парни смотрели обреченно, понимали, что их ждет. Но не молили о пощаде, знали с самого начала, на что шли. И сами не раз исполняли то, что было необходимо для спасения жизни других бойцов, во имя светлой борьбы за свободу Украины.

«Только Украина, ее воля и образ пречистый имеют значение для нас, — говорил вождь революционного провода ОУН Степан Бандера, когда отправлял в рей-

¹ Так называли украинцев, служивших полякам.

ды своих хлопаков по Галиции и Буковине. — Если вы спросите меня, скольких украинцев можно и потребно убить ради свободы Украины, то я отвечу лишь — сколько их можно и потребно оставить. Не должно щадить даже раненых, чтобы не задерживали продвижение отрядов...»

Андрій хорошо помнил завет своего кумира и раненых всегда добывал лично. Но на этот раз одного в живых оставил. То был давний товарищ, с двадцатых годов, когда ОУН пополнилась многими отважными юношами. Андрій и Гриц были из одного села, вместе начинали борьбу против польских панов и всегда держались друг друга. Но в этот раз вражья пуля нашла Грица, пробила легкое. Кровавая пена пузырилась на его губах, а взгляд витал уже в поднебесье. Но не мог Крук бросить товарища, почти брата, на поругание ляхам.

Только похоронить убитых не успели. Забросали кое-как тела еловыми ветками. Нагрязнули польские «кописты» — солдаты Корпуса пограничной охраны, и стрельба поднялась такая, что едва ноги унесли...

Уже в горах умерли еще двое хлопцев, оказывается, скрыли, что раны у них тяжелее, чем смогли выдюжить. А вскоре и Гриц отдал богу душу. Вырыли наспех три неглубокие могилы, наспех присыпали мертвые тела черной землей. Поодаль расположились на ночлег...

Боевики, измученные боями и трудными многодневными рейдами по горам, спали. Андрій же долго сидел возле небольшого костра, подбрасывал тонкие ветки, смотрел в темное небо, куда улетали искры, прямо в объятия огромных мохнатых звезд. Он зябко кутался в старый капталь — болела спина, застуженная на холодных карпатских камнях позапрошлой зимой. Тогда его сотне, от которой осталась едва ли треть бойцов, пришлось